

А.И. Косарев

История государства и права зарубежных стран

учебник

2-е издание

Юриспруденция

Андрей Косарев

**История государства и права
зарубежных стран. Учебник**

«Юриспруденция»

2007

УДК 340.15(075.8)
ББК 67.3я73

Косарев А. И.

История государства и права зарубежных стран. Учебник /
А. И. Косарев — «Юриспруденция», 2007

ISBN 978-5-9516-0233-6

В предлагаемом учебнике использованы возможности цивилизационного подхода к изучению истории и сравнительного метода в отборе материала. Особое внимание автор уделяет многовариантности ведущих процессов и тенденций развития государства и права. Учебник состоит из пяти разделов, заключения, отражающего закономерности и ценностное содержание истории государства и права, а также вопросов для самопроверки и обширного списка литературы. Для студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов. 2-е издание.

УДК 340.15(075.8)
ББК 67.3я73

ISBN 978-5-9516-0233-6

© Косарев А. И., 2007
© Юриспруденция, 2007

Содержание

От автора	6
Введение	7
Объект и предмет истории государства и права зарубежных стран	7
Методология изучения дисциплины	15
Раздел I. Государство и право стран Древнего Востока	19
Глава 1. Древний Египет. Государственный строй восточной деспотии	22
Глава 2. Древний Вавилон. Законник Хаммурапи – черты раннего состояния права	27
Глава 3. Древний Китай. Конфуцианство и легизм – традиционное и рациональное в государственном строе	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Андрей Косарев

История государства и права зарубежных стран. Учебник

Автор:

Косарев Андрей Иванович, доктор юридических наук. Автор многих научных и учебных изданий по римскому праву, истории и теории государства и права

© А. И. Косарев, 2007

© ИД «Юриспруденция», 2007

От автора

Исходя из цивилизационного подхода к пониманию исторического процесса и на основе использования сравнительного метода, изложение истории государства и права в учебнике не ограничивается описанием отдельных событий.

Активное осмысление истории государства и права приближает изучение прошлого к лучшему пониманию современных задач правоведения:

- нацеливает на осознание природы, назначения, многообразия форм государства и права, их ценностного содержания;
- формирует мировоззрение, правовую культуру юриста;
- помогает овладению методологией изучения правового материала, в частности ориентирует на развитие столь необходимого новому времени дивергентного типа мышления, способного анализировать варианты, выдвигать альтернативы решений.

Введение

Объект и предмет истории государства и права зарубежных стран

Объект науки и учебной дисциплины «История государства и права зарубежных стран» составляет государство и право в историческом прошлом.

Предмет – нечто иное, он определяется тем, под каким углом зрения, в каком аспекте рассматривается данный объект, зачем, для чего, с какой целью мы изучаем материал, что хотим узнать и понять. При этом следует учитывать, что предмет науки и предмет учебной дисциплины подчас значительно разнятся. Позиция автора в вопросе о предмете учебной дисциплины, представленная в данном учебнике, имеет следующие составляющие.

Первое. История государства и права как учебная дисциплина не охватывает и не может охватить весь фактический материал о прошлом своего объекта. Поэтому она знакомит с наиболее характерными и типичными фактами, отражающими общие процессы и особенности движения государства и права.

Второе. В отличие от специальных исторических и юридических дисциплин в истории государства и права, изучение государственности отдельных стран, памятников права, его отраслей, институтов не есть самостоятельная цель, но лишь средство дать панорамное видение их движения.

Третье. Выражая свою юридическую природу, история государства и права не только говорит о том, «как было дело», но подразумевает активное освоение материала, его приближение к пониманию современного; круг рассматриваемых объектов расширяется за счет включения в него укрупненных единиц исторического процесса; выделяются проблемное изложение, методологические аспекты изучения государства и права – все это ориентирует сознание на поиск наиболее значительного, интересного, позволяет выйти за рамки узко практического.

Четвертое. История государства и права не может не говорить о «цветах времени». Она не прах пережитого, не «зеленоватая формула», но колоссальная реальность. Прошлое развитие государства и права – напряженная волнующая картина, пронизанная пафосом побед, драматизмом и трагизмом поражений. Отражая эти стороны действительности, историко-правовая наука более полно передает правду истории и в то же время активно участвует в формировании жизненной позиции гражданина, его отношения к современным событиям.

Пятое. В определении объема фактического материала, его конкретизации и детализации учитывается время, отводимое на изучение дисциплины и факт ее преподавания на первых курсах вузов.

История способна преодолевать дробность частных наук, помогает мыслить масштабно, укрепляет методологический характер юридического образования, активизирует его воспитательную функцию, участвует в становлении мировоззренческой и эмоционально-мотивационной сторон личности юриста, формирует его правовую культуру.

Таким образом, *под предметом учебной дисциплины истории государства и права понимается прошлое государства и права в движении к своим современным состояниям, наиболее полно, ярко и выразительно раскрываемое в избранных образцах, проблемах развития, в характерных и типичных фактах, тенденциях и закономерностях, в их ценностном содержании.*

Исходя из определения предмета дисциплины, в учебнике речь идет не просто об Индии, Китае, Египте или Англии, но в их истории выделяется, например, сословное деление насе-

ния – в Индии по Законам Ману; конфуцианское и легистское понимание государства и права в Китае; сопоставляются афинская демократия и восточная деспотия в Египте; излагаются черты раннего состояния права по Законнику Хаммурапи, Законам XII таблиц, Салической правде; государство и право в Риме рассматриваются как идеальная модель развития целостной правовой системы; в истории Средних веков подчеркивается своеобразие мусульманского государства и права; определяются общие черты и особенности развития государства во Франции, Англии, Германии и т. д.

В разделах по Новой и Новейшей истории изложение материала в таком плане представляет значительную трудность ввиду иного масштаба временных изменений. Здесь процессы развития подчас не получили полного завершения, и о них зачастую трудно судить вполне определенно. Поэтому нередко приходится довольствоваться лишь выделением наиболее крупных событий, тенденций движения, а то и просто излагать факты в их хронологической последовательности, оставляя на будущее выделение событий и процессов, определяющих лицо времени, закономерности движения.

При этом теория и история государства и права различаются тем, что о реальном, так же как и о закономерностях, история рассказывает языком конкретных фактов. История может быть рупором идей, лишь убеждая своей конкретностью. Пагубно, однако, не видеть связи между историей и теорией, они имеют смежные области, взаимно дополняют друг друга.

Цивилизационное развитие государства и права. Наряду со сказанным выше в основание предмета «История государства и права» в данном учебнике положено цивилизационное понимание исторического процесса, при котором в ряду многих факторов, определяющих государство и право, за исходное принимаются природные свойства народа, групп народов, образующих цивилизацию.

Цивилизационное понимание исторического процесса, цивилизационный подход к истории государства и права предполагают их рассмотрение как ряда последовательно или параллельно развивающихся цивилизаций с присущими им государственно-правовыми системами и своеобразием форм.

Согласно цивилизационной концепции народ или группа народов, а с ними государство и право, образуя культурно-историческую общность (цивилизацию), проходят в своем развитии стадии раннего, зрелого и позднего возрастов, затем сходят с исторической сцены. «Живут и умирают подобно органическим телам» (В. О. Ключевский). На смену одним народам и цивилизациям приходят другие, которые отчасти наследуют достижения прошлых.

Циклическое развитие у разных народов идет ускоренно или замедленно. И в современном мире в глубинах Африки или Австралии еще есть народы, имеющие лишь зачатки государственности и незнакомые с идеей прогресса. Напротив, в странах Запада наблюдаются ускоренные преобразования. У каждой цивилизации – свой особый, неповторимый путь, «свой эпилог, своя сущность и формы». Цивилизации не только отторгают друг друга, противостоят, но и взаимодействуют, сближаются, взаимопроникают.

Возникновение государства и права, отдельные их качественные состояния в разнообразных вариациях обуславливаются в первую очередь этническим своеобразием народа, его психоэмоциональным обликом на каждой ступени своего развития. Согласно с этим, опыт государственно-правового строительства приобретает действительную ценность лишь с учетом конкретных условий места, времени и состояния народа. *Мудрый правитель прежде всего должен знать свой народ – что он может стерпеть, чего жаждет, на что способен.*

Цивилизационная концепция исторического процесса не отрицает воздействия на государство и право многих факторов: характера экономических отношений, географических условий, религиозных верований, демографической обстановки, остроты внутренних и внешних противоречий и т. д. Случается и так, что в конкретной исторической обстановке личность правителя приобретает решающее значение. Более непосредственно движение государ-

ственно-правовых систем от энтропии, аморфности к универсальному, абсолюту и «мировой идее» осуществляется благодаря реализации субъективного фактора, при выделяющейся роли одного или многих, через эмпирическое ощущение необходимости или его абстрактно-логическое осознание в идеях и теориях. Рассудочная деятельность приобретает качество разумного, когда согласуется с природой человека и логикой движения государства и права.

Восток и Запад в истории государства и права. Географически Восток и Запад – понятия крайне расплывчатые. В науке данные термины употребляются для обозначения различий эволюционных процессов или типов эволюции прежде всего в странах Азии и Европы.

Цивилизационный подход совместно с использованием сравнительного метода в изучении государства и права предполагает различать и учитывать общее и особенное Востока и Запада. Западное нередко противопоставляется восточному. Запад и Восток, различия которых видятся в особом образе жизни, структуре сознания, мировоззрении, считаются двумя половинами мира с присущими им разными идеологиями и системами ценностей, отличающимися представлениями о человеке и его миссии.

Различия Востока и Запада не раз подчеркивались в литературе: «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и им никогда не соединиться» (Р. Киплинг). Действительно, цивилизации Индии и Китая сохраняют черты социальной и культурной неповторимости до наших дней. Их самобытность есть и будет существовать вопреки всей силе интеграционных процессов современного мира. То же самое можно сказать и о России. Все же лишь непомерным преувеличением одной стороны сравнения и определенной политической заданностью можно объяснить высказывание одного из крайних западно-украинских националистов: «Россия и Европа – вещи несовместимые, взаимоисключающие. Европа заканчивается там, где начинается русский язык, менталитет, культура».

Запад воспринимается как спираль, ввинченная вверх; Восток – как «нечто шарообразное, когда прошлое от будущего не отслоишь, здесь совершенствование и упорядочение осуществляются на одном уровне».

Другой взгляд на природу различий Востока и Запада исходит из принципа единства исторического процесса – все народы и их государственно-правовые системы проходят одни и те же стадии развития, но на Востоке мы имеем их растянутость во времени с невыраженностью этапов развития при «колоссальной устойчивости» в сознании и быту исконных обычаев и традиций. Более конкретно различия Востока и Запада проявляются в следующих характеризующих их чертах.

На Востоке в психоэмоциональном и этническом облике народов, их менталитете подчеркнута женское, а с тем и большая религиозность, духовность. Для Востока характерно длительное сохранение религиозного мировоззрения, национального своеобразия, традиционных устоев с чувством должного, а также коллективистских, общинных и «соборных» начал общежития с патриархальными, теологическими представлениями о назначении государства. Устойчивость обычаев и традиций, с одной стороны, делает общественно-государственные устои более прочными, но, с другой стороны, сковывает инициативу, самостоятельность, свободу личности, что определяет «застойный» характер развития. Здесь мы имеем преобладание монархических, авторитарных начал власти, ослабленность демократических институтов при широком участии государства в делах общества.

Преимущество восточной культуры перед западной, подошедшей, как утверждают, к своему закату, видится в таких качествах народов Востока, как дисциплина, авторитет власти, подчинение личных устремлений коллективному началу, вера в иерархию, стремление избежать конфронтации, забота о «сохранении лица», господство государства над обществом (а общества над индивидуумом), равно как предпочтение «благожелательного» авторитаризма над западной демократией. Иногда при этом вспоминают библейское: «Бог избрал немудрое

мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира, чтобы посрамить сильное...и незнатное мира и униженное, и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее».

Нечто иное наблюдается на Западе. В странах западных цивилизаций традиционное общество сменяется ускоренным развитием с совершенствованием и усложнением общественных отношений, когда происходит раскрепощение личности, раскрываются ее творческие способности, укрепляется индивидуализм с рационалистическим характером мировоззрения. На этой основе устанавливается республиканская форма правления, достигаются вершины культуры, получают распространение универсальные начала государственности. Затем следуют увядание, разложение и исход (Древняя Греция, Древний Рим).

Восточное отождествляется с длительным сохранением глубинных основ человеческого общежития, сохранением предрассудков, а отчасти и проявлениями варварства, через которые, однако, бьет жизненная сила. Западное привлекает подвижностью на основе рационального, достижениями высот в науке и культуре, свободой личности, республиканской формой правления, изобилием материальных благ. Но в западном обнаруживается и зыбкость жизненного порядка с проявлениями крайностей индивидуализма и эгоизма, неудержимым стремлением к потреблению, наслаждению, комфорту. Постигание глубинных тайн природы и технологий сочетается здесь с ослаблением общественных связей, проявлениями болезненности. Еще Кьеркегор и Достоевский обращали внимание на оборотную сторону эмансипации личности: одиночество, своеволие, отчуждение. Вещь стала мерой людей («Я есть то, что у меня есть» – Эрих Фромм). Радикальный индивидуализм на Западе, ведущий к разобщенности людей, осуждается и Папой Римским. Западное далеко не во всем оказывается лучшим.

В реальной истории государства и права западное и восточное находятся в том или ином соотношении. Различия не абсолютны: западным государствам принадлежит одно, а восточным – другое. Еще Гегель отмечал, что Восток и Запад есть в каждой вещи. Это – различия прогрессистских и консервативных Начал развития, одно без другого немыслимо, но разное их соотношение для каждого времени и народа вполне реально. Различия «духа Востока и плоти Запада» в современном мире приобретают подчас весьма резкие очертания. Так, в 1995 г. Председатель КНР Чжао Цзянь отмечал, что враждебные силы Запада ни на момент не оставили свои планы вестернизировать и разделить Китай.

Цивилизационный подход к пониманию государства и права требует учитывать *особенности государственности России*. Ее государственно-правовое и экономическое развитие имеет в своей основе евразийскую этническую общность. В России различия Востока и Запада предстают в противостоянии сложившегося уклада и голого рационализма, в верности традициям и стремлении к вершинам цивилизации, достижению западных стандартов жизни. Россия аккумулирует в себе восточное и западное, то и другое переплетается в тканях ее тела. Преодоление Россией сегодняшних трудностей и противоречий видится не в бездумной вестернизации и отказе от своей природы, но в уважительном отношении к особенности каждого народа и, благодаря этому, движении по пути прогресса к своему возмужанию.

Психоэмоциональный облик народов, их этническая обособленность как Богом данное самоценны, подлежат сохранению как виды живой природы. Действующая в Новейшей истории тенденция к достижению универсального, единого и общего как в праве, так и в создании мирового порядка, может осуществляться лишь на основе признания за каждым народом права на самобытность, сохранение своих обычаев, традиций, своего лица.

Стадиальность развития. Составной частью цивилизационной теории является учение о спиралевидном движении государства и права, о циклах и стадиях их развития, отражающих переход количества в новое качество, и повторяемость.

Стадиальность развития общественных явлений, государства и права была подмечена в глубокой древности. Хорошо известно, например, учение Полибия о движении форм государственности. Полибий считал, что государство подобно живому организму проходит ста-

дию становления, потом – расцвета, потом – упадка. Затем следует новый цикл. Он считал, что таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходя одна в другую, и снова возвращаются.¹ В эпоху Возрождения соединение идей круговорота и поступательного движения в развернутом виде представлено в «Новой науке» Джамбаттисто Вико. Как писал Н. И. Конрад: «Ход истории у Вико идет не по замкнутому кругу, а по спирали, что означает не вечное повторение одного и того же, пусть и в разных формах, а в целом движение вперед».

В Новейшее время цикличность, стадийность развития народов, государства и права нашли отражение в учении о цивилизационном ходе истории А. Тойнби. По Тойнби, история человечества представляет собой наличие более двух десятков цивилизаций (шумерская, египетская, китайская, индусская, западная и т. д.), между которыми лишь в Новое время в той или иной мере устанавливается преемственная связь. Иногда, в отличие от западной, выделяют также и православную цивилизацию. Крупный российский историк Л. Н. Гумилев считал, что весь цикл развития занимает 1200, 1500 лет. Сначала наблюдается резкий взлет, затем чередование подъемов и депрессий, потом ослабление жизнедеятельности, ведущее к успокоению, и, наконец, медленный упадок, прерываемый новым взлетом.² Каждой фазе развития соответствует своя, особая форма государственности.

В раннем состоянии общества, при неразвитости, скованности личности права народа сосредоточиваются в лице монарха. Достигнув зрелости, народ берет дело управления государством в свои руки. Преобладающей формой правления становится республика с более или менее четким разделением законодательной, исполнительной и судебной властей. При республике более широко, но подчас лишь для свободных, утверждаются права человека. Наконец, в позднем состоянии при болезненности стареющего общественного тела государственная власть вновь сосредоточивается в одном лице, лице императора – тоже монархия, но с мощным, разветвленным государственным аппаратом, который все более широко вмешивается в регулирование общественных отношений и до поры до времени поддерживает силы дряхлеющего организма. Затем громоздкий, дорогостоящий, продажный и все менее эффективный государственный аппарат становится еще одной причиной гибели всей системы общественных отношений.

Стадийность отдельной государственно-правовой системы более четко обнаруживается в истории Древнего Рима – раннее состояние, классическое, постклассическое.

Стадийность свойственна не только всему обществу и целостной государственно-правовой системе, но и отдельным этапам их движения. Хорошо изучена и достаточно полно описана стадийность развития государства и права при раннем состоянии западной цивилизации на территории средневековой Франции: раннефеодальное государство, сеньориальная монархия, сословно-представительная монархия, абсолютная монархия. Хорошо различимы особенности прохождения этих фаз, стадий развития в Англии, Германии, России.

Стадийность обнаруживается и при переходе на новый уровень развития в прохождении стадии надлома – революции (в широком смысле слова): либерально-демократический строй, революционная диктатура, военная диктатура, движение вспять, этап завершающих преобразований.

Надлом сопровождается более или менее длительным периодом, когда в силу крайнего обострения внутренних противоречий, дезориентации государства и права и сопутствующих им внешних угроз жизнь народа, его целостность и независимость подвергаются серьезной опасности.

¹ См.: *Политий*. Всеобщая история в сорока книгах. Т. 2. Кн. 6 / Пер. с греч. *Ф. Г. Мищенко*. М., 1895.

² См.: *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990. Описываемая Л. Н. Гумилевым цикличность более четко выражена лишь в интенсивно развивающихся государственно-правовых системах, в других примерах она наблюдается лишь в отдельных проявлениях.

О юридической специфике истории государства и права. Данная отрасль научного знания и учебная дисциплина – не самоцель и ни в коем случае не «политика, обращенная в прошлое». Если историк вживается в прошлое, как бы живет прошлым, то юрист строит настоящее, готовит будущее. Такое различие не абсолютно, но оно все же окрашивает и определяет особенное, специфику предмета и методологии истории государства и права. Вместе с тем задачи юридического образования решаются здесь не узко утилитарно, но предполагают максимальное расширение профессионального кругозора юриста. Главенствующий в «гражданской истории» принцип предельно полного, в хронологической последовательности изложения материала трансформируется благодаря расширению сферы логического, ценностному подходу, чем преодолевается односторонность описательства, фактологизма, мелкотемья.

Источниковедческая работа – собирание материала, изучение памятников права, состояний государства и права в отдельных странах – прежде всего дело общей истории или страноведения. В этой работе участвуют и историки-юристы, но их главная задача – приблизить знание прошлого к пониманию современного, раскрыть в конкретном фактическом материале природу и многообразие форм, тенденций, закономерностей и ценностного содержания государства и права (их отраслей, институтов, основных понятий), обратить внимание на обуславливающие их факторы, а также ознакомить с опытом государственно-правового регулирования общественных отношений, помочь осознанию места государства и права в мировом историческом процессе.

Как не соответствующие юридической специфике в учебнике не выделяются разделы об общественном строе с рассмотрением классовой структуры общества. В объект истории государства и права включается изучение не классов, но сословий, рассматриваемых в разделах о правовом положении населения.

Факты, закономерности, оценочные суждения. Фактический материал истории государства и права, **факты истории**, свидетельствуя о прошлом и отражая многогранность, подчас противоречивость, полифонизм реального, составляют основу, фундамент не только историко-правовой науки, но и всего правоведения, изучения государства, права и в настоящем, и в будущем.

Следует, однако, учитывать, что под фактами истории понимают и сами события прошлого, и свидетельства о них (документы, воспоминания и т. д.), а также научные факты – сведения о прошлом, которые прошли «сито» отбора, научную обработку, введены в систему научного знания.

К сожалению, уже в исторических источниках содержатся пробелы, искажения реального. И в научных фактах одни детали событий опущены, другие, наоборот, выделены, приподняты. Исторические научные факты – это наиболее значительные, типичные, выразительные факты прошлого. Изначальный признак исторического научного факта – его характерность, выразительность.

Понятия характерного и типичного близки друг другу, но первое более широко по своему содержанию. Характерное – то, что выделяет исторический факт, привлекает к нему внимание, делает интересным. Характерное в исторических фактах – самое простое, но содержит в зачатке и самое сложное, теоретическое и морально-эстетическое осознание исторических процессов. Оно отчасти интуитивно, но существует и развивается, становясь все более точным инструментом познания на почве передового для своего времени мировоззрения. Есть в понятии характерного и нечто такое, что превышает какой-либо один уровень знания. Здесь сохраняется уважение к непознанному. Отчасти поэтому лучшие исторические работы прошлых лет не теряют своей ценности и в наше время. История в характерных фактах – это отбор фактов на основе опыта общежития и регулирования человеческих отношений в процессе духовного развития и общения с природой.

В отборе и описании исторических фактов историк стремится быть максимально точным и объективным. Однако следует не забывать, что полная копийность недостижима, а педантичное описание всех деталей способно лишь увести в сторону от достижения истины. Ложно представление, будто бы сами факты без их осмысления способны дать истинное знание. Научный исторический факт – не мертвый слепок с действительности, не пассивное, но преобразованное в сознании отражение реального. Уже в нем для истории открываются самые широкие возможности стать правдивой, напряженной, волнующей картиной развития государства и права. Но чрезмерное обилие фактов мешает думать. Вот почему так важно, особенно применительно к Новейшей истории с лавиной информации, правильно выбирать, отбирать факты, способные дать полное, объективное знание.

Исторические факты – начало знания, а история, лишь рассказывающая о них, составляет только часть целостной историко-правовой науки.

Закономерности – тоже факты истории. Без логического осмысления история выглядит как хаотическое нагромождение событий и ситуаций. Прежде всего обращает на себя внимание *закономерность тесной связи государства и права с жизнью общества*, определяемой обликом народа, окружающими природными условиями, экономикой, культурой, религией. Так, афинская демократия и восточная деспотия могут быть правильно поняты и оценены лишь с учетом состояний общества в Афинах и Древнем Египте. Рассмотрение государства и права отдельных стран и народов предполагает учитывать *стадиальность развития* (раннее, зрелое, позднее состояния). *Преемственность* можно отчетливо видеть в рецепции римского права на Европейском континенте, а *повторяемость* – в Англии, где влияние внешнего фактора было ограничено, и внутренне присущая правовой системе закономерность, как и в Риме, получила возможность раскрыться полнее. *Вариантность* проявляется в том, что в расположенных рядом Англии и Франции при сходных исторических условиях развитие права имело значительные различия: во Франции на основе преемственности право как бы переступало свои начальные формы, а в Англии право во многом повторяет движение римского права.

Изучение истории государства и права в закономерностях имеет слабую сторону: оно ограничивает разнообразие, многогранность реального хода исторического процесса. Правда истории при этом подчиняется некоторому достигнутому уровню знаний, подчас ее искажают в силу приверженности той или иной теоретической установке. Такой подход в рамках марксистской концепции позволял, например, игнорировать неадекватное влияние экономического фактора на государство и право; несоразмерно выпячивалась их подчиненность «базису» и обусловленность классовой борьбой, принижалась внутренняя логика их развития, относительная самостоятельность: не только особая устойчивость, но и способность предвосхищать успехи экономического роста.

Раскрытие закономерностей в истории государства и права учитывает два обстоятельства: *во-первых*, общее, закономерное в истории лишь приподнимается, но не отрывается от конкретного, внешнего, случайного. Историк-юрист не только формулирует выводы, но и раскрывает содержание общего, закономерного с противоборствующими тенденциями, влиянием случайных факторов, со всем тем, что способствовало, препятствовало, искажало проявление закономерного. *Во-вторых*, историческая закономерность «в чистом виде» – лишь исключение. Как правило, она проявляется в виде тенденции, сплошь и рядом действует зигзагообразно (через промежутки во времени), перемежаясь с закономерностями иного порядка, видоизменяясь под действием подчас непредсказуемого фактора. Следует согласиться с тем, что абсолютизация исторической закономерности обесмысливает человеческую деятельность – «в истории нет чистой необходимости, лишенной человеческого начала, но нет и свободы без необходимости».

Парадокс исторического процесса заключается в том, что закономерное и непредсказуемое идут в нем рука об руку. По мере продвижения на восток местные условия, особый чело-

веческий фактор, а также новое, появляющееся в ходе поступательного развития, постоянно меняют лицо исторической закономерности, характер ее действия, а отчасти и содержание. Не исчезая, закономерное предстает перед нами во всем своем многообразии.

Оценки. Из предмета истории государства и права нельзя устранить ценностное содержание исторических событий и оценочные суждения. Трудно себе представить полноценную историко-правовую работу, в которой показ объективной обусловленности рабства или фашизма не сопровождался бы их оценкой.

Действительно, оценки подвижны, изменчивы, подчас субъективны. Однако и субъективное, тем более в его разнообразии, несет частичку объективного знания. В оценочных суждениях отражается отношение людей прошлых поколений к фактам своего времени. Но допустимы и оценки «с высоты современности». Они не отрицают историзм, но дополняют знание прошлого, приближая к осознанию современного. Уже в том, что мы считаем важным, на каких фактах и деталях останавливаем свое внимание, в самом характере изложения наличествует суд истории.

Знакомясь с фактами прошлого, мы узнаем то, что видим; изучая закономерности, приближаемся к постижению сути явлений; в оценочных суждениях нам раскрывается значение государственных преобразований для человека, для народа, для человеческого сообщества.

Характеризуя предмет истории государства и права, следует учитывать, что он не раз и навсегда данное, «застывшее», но развивается, изменяется. «Повзросление» той или иной отрасли знания ведет к стремлению целостно осознать рассматриваемый объект в его наиболее крупных структурных подразделениях, закономерностях и оценках. Следует иметь в виду и то, что в каждой отрасли знания имеют право на существование разные школы, по-своему определяющие предмет, выделяя в нем те или иные его стороны. Отдельные, подчас существенные, аспекты предмета истории государства и права могут быть выделены благодаря личностным качествам изучающего – его опыту и таланту, остроте видения и интуиции, а также увлеченности той или иной стороной предмета знаний.

Методология изучения дисциплины

Методология историко-правовых дисциплин включает в себя разрабатываемые философией и теорией общие представления о природе, назначении, развитии государства и права, а также конкретные приемы, методы изучения материала. Предмет науки и учебной дисциплины тесно связан с методологией. Подчас именно предмет определяет, с помощью каких методов изучается материал. Но бывает и наоборот, когда используемая методология выделяет то, на что направлена ищущая мысль. Так, сравнительно-исторический метод как выделение общего и особенного у государства и права разных народов и цивилизаций на сходных витках спиралевидного развития, с одной стороны, нацеливает на изучение природы наиболее характерных и типичных фактов, с другой стороны, позволяет освободить изложение от многократного повторения материала одной и той же смысловой нагрузки. Владение методологией составляет решающее условие продвижения вперед научного знания, в высокой степени характеризует профессионализм специалиста. В настоящее время создается отдельная отрасль научного знания о методах исследований – **эпистемология**.

Методология истории государства и права по задачам и целям, определяемым в ее предмете, включает в себя различные приемы и средства рассмотрения и анализа своего объекта.

Повествовательный метод. История, например, может предстать перед нами как «непредвзятый рассказ о прошлом» на основе «чувства исторического интереса». Если, однако, такой рассказ и не подчинен теоретическим построениям, то он все же не свободен от уровня знаний и ценностных ориентиров исследователя, его времени.

Методы индукции и дедукции. Другой подход предполагает использование всего богатства знаний, накопленных историей, философией и теорией. Здесь прежде всего следует сказать о более общих индуктивном и дедуктивном методах. **Индуктивный** метод – способ исследования и изложения, при котором от наблюдаемых частных фактов переходят к выделению принципов, общих положений теории, установлению закономерностей. Противоположный индуктивному методу **дедуктивный** метод представляет собой такой способ исследования и изложения, при котором из общих теоретических положений, установленных принципов, закономерностей делаются частные выводы и заключения.

Парадокс науки и обучения состоит в возрастании значения теории и одновременно в повышении роли субъективного фактора – личности того, кто овладеет знанием. Творческое отношение к материалу произрастает на почве достигнутого, но оно не укладывается в жесткие рамки формально логических правил, не может быть шаблонным применением стереотипов. Не раз обращалось внимание на важную роль интуиции в творческом процессе: «Создание общей теории относительности является, может быть, наилучшим примером того, какую роль в процессе познания, наряду с фактами и логикой, могут играть интуиция и даже чисто эстетические соображения» (Л. Келдыш).

Конкретно-исторический анализ может быть поставлен первым в ряду частных приемов и методов изучения истории государства и права. Он позволяет лучше понимать государство и право, исходя из условий, в которых формировались их структура, институты, основные понятия.

Не только экономика, географическое положение, климат и почвы, характер сотрудничества и противоборства социальных групп населения, но и природные свойства народа, его этническое своеобразие, уровень развития, вековые традиции, идеология должны учитываться при анализе состояний и движения государства и права.

Конкретно-исторический анализ предполагает различать не только условия становления, развития государства и права, но и обратное их воздействие на экономику, социальные отношения, культуру.

Сравнительный метод. Среди частных приемов анализа историко-правового материала выделяется сравнительный метод. К. Д. Ушинскому принадлежат слова: «Весь процесс познания есть процесс сравнения». Благодатью для исторического мышления называл сравнительный метод О. Шпенглер. А. Тойнби считал сравнение основным методом выявления развития локальных культур. В последнее время сравнительному методу уделяется повышенное внимание. Во многих странах имеются институты сравнительного изучения права, создан такой институт и в нашей стране. Сравнительный метод в истории государства и права позволяет видеть общее, устанавливать повторяемость, регулярность и на их основе – закономерное, а также выделять особенное, ведущее к осознанию индивидуального.

Сравнительный метод – связующее звено исторического многообразия, он соединяет картину, позволяет видеть весь процесс развития государства и права, задуматься над их судьбами и вместе с тем обогащает мыслительные способности личности.

Уже только наблюдение, когда мы отличаем одно от другого, предполагает сравнение. Опять же и систематизация, классификация фактического материала осуществляются с использованием сравнений. Сравнительный метод способен быть инструментом интеграции знаний, позволяет видеть движение целого, влияние, взаимовлияние правовых систем, в частности влияние прошлого на формирование современных правовых систем. Сравнения необходимы и в оценке событий. Еще Сократ, по сообщению Ксенофонта, считал, что разумный человек, «разделяя в теории и на практике предметы по родам», может отличать добро от зла. Использование сравнительного метода выражает активное отношение к историко-правовому материалу.

Сравнительный метод внешне прост. Он состоит в нахождении сходств и различий в сопоставляемых объектах.

Установление сходства и общего, что более непосредственно ведет к обнаружению закономерности, все же не решает задач познания. Необходимо еще определить природу наблюдаемого сходства, нередко оно – внешнее и случайное. Сходство, общее может быть и прочным, и основательным. Однако если исследователь забыл о различии условий, в которых сложились сходные черты, общее способно обмануть, привести к неверным выводам. Вот почему иногда говорят, что «исторические параллели всегда рискованны».

Неубедительны еще встречающиеся утверждения, будто «правильным» может быть лишь сравнение «однопорядковых показателей», «реально сопоставимых фактов». Не следует забывать: чем существеннее и основательнее сходство, тем выше шанс для сравнения быть банальным. С другой стороны, установление «несравнимости» тоже есть применение сравнительного метода.

Случается, что даже весьма несхожие явления или те, в которых заметно лишь внешнее подобие, неизъяснимым образом наталкивают на правильное решение. Такие сравнения не поддаются научному анализу, но на этом основании они не могут быть отвергнуты. «Смелые сопоставления, фантастические аналогии, сумасшедшие теории, нахождение сходства в самых, казалось бы, удаленных вещах – вот чем полна и славна история науки» (Б. А. Глинский).

Главное в применении сравнительного метода – выделить и сопоставить именно те факты и события, те их стороны, черты, признаки, которые позволяют высветить искомое, ведут к новому знанию. Здесь центр тяжести приходится на наличие у исследователя острого интереса к материалу, на способность поставить задачу и определить цели сравнения. Очень важно так группировать факты, классифицировать и систематизировать материал, чтобы это делало рельефным сходства и различия, вело к их обнаружению. Научную ценность имеют все сравнения, которые позволяют более глубоко заглянуть в природу рассматриваемых явлений.

В изучении истории государства и права сравнительный метод позволяет выделить характерность государственно-правовой системы, ее форм, институтов, высветить логику движения, выявить ее место в истории и общее с развитием других систем государства и права. Сравне-

ние увеличивает ценность сообщаемой источниками информации, помогает овладению опытом прошлого.

Сравнительный метод предполагает знание не только правил, приемов, но и типичных ошибок его использования.

Порой именно ошибки, допускаемые умышленно или невольно, лучше всего обрисовывают нормы применения сравнений. Ошибочными являются, например, те случаи, когда учитывается только сходство или только различие, когда какое-либо сходство или различие неосновательно признается существенным. Игнорирование конкретной обстановки, в которой формировались сравниваемые события, непомерное выпячивание одной стороны и затушевывание другой, недобросовестный подбор фактов для сравнения – все это излюбленные приемы фальсификаторов истории.

Сравнение способно дать первый толчок движению мысли, но оно не может считаться «абсолютным оружием познания», его возможности в полной мере раскрываются при использовании совместно с конкретно-историческим, системно-структурным анализом; методами типологии, актуализма, исходя из учения о стадийном, спиралевидном развитии.

Метод типологии. Он требует из всего наблюдаемого отбирать и выделять характерное, типичное. Любое конкретное должно быть отражено лишь в том случае, если оно ярко индивидуально или типично, отражает общее. «Тип – главное в истории. Факты политические, религиозные, культурные и даже анекдоты, какими бы красноречивыми они ни были, никогда не излагаются сами по себе, но лишь при условии, что отражают какие-либо черты народного типа».³

Метод типологии (идеализации) использован в данном учебнике, например, при выделении этапов римского права в качестве типичного примера развития правовой системы. Применение метода типологии в истории государства и права способствует устранению разрыва между идеографическим (описательным) и генерализирующим (обобщающим) их изучением, между историей и теорией государства и права.

Метод актуализма. Этот метод состоит в использовании современных знаний для изучения прошлого и, наоборот, в использовании знаний прошлого для понимания настоящего и предсказания будущего. Еще Гете заметил: «...произведения природы можно узнавать, только схватывая их в становлении; созрели они и готовы – попробуй-ка, как их понять».⁴

В широком смысле весь характер нашего мышления актуалистичен: о прошлом мы судим на основании современного опыта, выраженного в научных принципах, общих понятиях; у нас нет возможности выйти за рамки нашего бытия, полностью преодолеть налагаемые им ограничения. Применительно к изучению истории государства и права использование метода актуализма проявляется, в частности, в наложении на их прошлое сети современных правовых понятий и терминов, акцентировании внимания на тех их сторонах, которые позволяют лучше понимать действующие государственно-правовые системы, их институты, тенденции их развития.

Методы типологии и актуализма «очищают» историю от нетипичных черт и деталей, вызванных к жизни особыми условиями, представляют рассматриваемые явления как модель, в «классически чистой форме» показывают движение государственно-правовых систем. «В жизни встречаются выдающиеся случаи, которые в своем характерном многообразии стоят... как представители многих других».⁵

³ Гурьев В. С. Якоб Буркхардт: Очерки жизни и творчества – методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1974. С. 108.

⁴ Гете И. В. Избранные сочинения по естествознанию. М., 1957. С. 389.

⁵ Гете и Шиллер. Переписка. Т. 1. М., 1937. С. 308.

Такой подход к истории государства и права чреват их модернизацией, что допустимо лишь при непременном учете отличий исторических эпох и признании ограниченности используемых сравнений и аналогий. Они дают мощный импульс знанию, но не исчерпывают его. Сравнительный метод, типология, актуализм... должны ли мы отказаться от них только потому, что они не дают всеобъемлющего знания? По аналогии можно задать вопрос: должны ли мы отбросить шахтерскую лампу на том основании, что она не освещает любой угол, и потому, что в руках неопытного может привести к взрыву?

Системно-структурный анализ. Результаты типологии, сравнительного рассмотрения истории государства и права помогают применить к их осознанию системно-структурный анализ. Опираясь на понятие целого и части, он позволяет лучше видеть целостность исторического процесса, включающего в себя отдельные взаимосвязанные и относительно самостоятельные части, как в развитии (этапы), так и в структуре сложившегося (отрасли, институты, понятия). Системно-структурный анализ – такой особый угол рассмотрения исследуемого объекта, который ведет к обнаружению существующих между целым и его частями отношений, связей, чем обогащает знание и того, и другого.

Системно-структурный анализ позволяет взглянуть на государство и право как на обособленную сферу жизни общества и ориентирует на выявление различного рода их взаимовлияний. И это не все. Системно-структурный анализ делает обязательным установление места государства и права в мировом историческом процессе, открывает широкие возможности для анализа и характеристики присущих им закономерностей, показывает общий ход спиралевидного движения с «как бы повторяемостью» в результате действия закона отрицания отрицания.

Говоря о методах анализа истории государства и права, нельзя забывать об исторической специфике предмета. История государства и права в полной мере раскрывает свои возможности познания, когда она говорит языком фактов, обладающих высокой степенью характерности, отражающих ведущие черты реального, раскрывающих их особенное и общее, закономерное, человечески ценное и вместе с тем способных дать толчок ассоциативной деятельности сознания, творческой активности познания. Такая история позволяет видеть рассматриваемое явление раскованно, широко, разносторонне.

Перечисленные выше методы, приемы исследования истории государства и права далеко не исчерпывают всего богатства арсенала ее методологии. При решении отдельных задач, изучении тем и вопросов могут быть использованы и другие методы, приемы, средства. Важно, однако, не только знать научный инструментарий, но и уметь им пользоваться, владеть методологией. При ознакомлении с материалом учебника необходимо обратить внимание хотя бы на то, как применяются средства познания при раскрытии отдельных тем. В последующих разделах, например, сравнительный метод более полно использован при выделении различий Востока и Запада, отборе материала при изложении римского права, при характеристике англосаксонской и романо-германской (континентальной) форм права.

Интерес к предмету истории государства и права рождает внимание и желание глубже познать и овладеть методологией ее изучения. Каждый, кто хочет не только знать историю, но приблизиться к ее пониманию, не может не интересоваться методологией.

Раздел I. Государство и право стран Древнего Востока

История государства и права Древнего мира начинается с возникновения древнейших государственных образований в странах Востока и заканчивается (очень условно) завоеванием Рима варварами (V в. н. э.).

Уже в столь отдаленное от нас время по сохранившимся источникам хорошо различимы причины образования государства и права, их природа и назначение, роль⁶ в становлении и развитии древних обществ, их культуры. Исходные начала государственности – **демократизм** и **централизация** власти в государственном строе стран Древнего мира – приобрели различные формы и очертания. Среди их разнообразия как наиболее полное, крайнее, даже утрированное выражение централизации и демократизма государственного управления выделяются деспотия в Древнем Египте и афинская демократия.

В истории Древнего Китая мы наблюдаем острый конфликт **традиционных начал и роли рационального, вульгарного рационализма** в развитии государства и права. Их сопоставление позволяет поставить ряд интересных вопросов об их обусловленности состоянием общества, внешними условиями бытия, а также соответствии интересам человека и развитию культуры.

В долинах крупнейших рек Востока – Тигра и Евфрата, Хуанхэ, Нила и Ганга – в IV–III тыс. до н. э. возникают первые цивилизации и государственные образования Месопотамии, Египта, Индии. В их истории выделяются такая форма государственности, как восточная деспотия, и раннее, начальное состояние права.

Выделяя в истории государства и права **восточную деспотию**, следует учитывать, что далеко не все и не во всем государства Древнего Востока были централизованными монархиями с обожествлением и неограниченными правами правителей. Их власть ограничивалась, например, безусловным подчинением традициям и религиозным канонам, которые правитель не мог свободно изменять по своей воле. Да и в некоторых городах-государствах Древнего Востока устанавливался строй, близкий к олигархическим республикам.

Коллективизм с разделением труда, взаимной поддержкой людей помогал выжить в трудных условиях, легче решать стоявшие перед обществом задачи. Высокий уровень коллективизма свойствен ранним ступеням развития, но на Востоке, в отличие от Запада, коллективизм общественных отношений имел более прочные основания. В традиционализме и коллективизме Востока, рационализме и индивидуализме Запада, проявившихся на более высоких ступенях развития, пожалуй, наиболее заметны и глубоки различия.

Ярким проявлением коллективизма в странах Древнего Востока была **крепкая сельская община**. При большом разнообразии правового положения общин они имели и общие, типичные черты. Община была административной и хозяйственной ячейкой общества. Она самостоятельно решала свои внутренние вопросы, была единицей налогового обложения и солидарно несла ответственность за преступления, совершенные на ее территории. Земля принадлежала всей общине и на началах уравнительного землепользования передавалась отдельным семьям. При господстве в своей основе натурального хозяйства в общине производилось почти все необходимое для удовлетворения потребностей членов коллектива. Община тормозила развитие торговли, частной собственности, расслоение населения на бедных и богатых и определяла относительную сплоченность общества. Вместе с тем она сковывала инициативу, предприимчивость человека, мешала становлению его самостоятельности, раскрытию творческих способностей, утверждению достоинства личности. Проходили века и тысячелетия, но,

⁶ Легисты (законники) – сторонники самого широкого регулирования общественных отношений абсолютной властью правителя с помощью сильного бюрократического аппарата, строгих законов и наказаний.

несмотря на все изменения, характерные особенности восточных обществ, их государства и права сохранялись.

Специфическое в истории государства и права стран Древнего Востока рассматривается нами как производное природных свойств народов, их психоэмоциональной самобытности. Цивилизационные циклы здесь растянуты во времени, расплывчаты, размыты волнами передвижений народов, войнами, внутренними катаклизмами. Изменяющееся, прогрессивное на Востоке крепко связано с традиционным, стабильным и прочным – длительным сохранением глубинных основ человеческого общежития. «Восток и Запад есть в каждой вещи» (Г. Гегель), но на Востоке устойчивость отношений прежде всего и определяет особенности государства и права.

Длительность рассматриваемого периода (несколько тысячелетий), отрывочность сведений о столь отдаленном от нас времени крайне затрудняют общую характеристику развития права стран Древнего Востока. Однако, используя сообщения отдельных дошедших до нас исторических памятников, можно выделить *типичные черты раннего правового состояния*, свойственного в той или иной мере, в различных модификациях многим государственным образованиям того времени.

Аморфность. Право не вполне отделилось от религии в особое средство регулирования общественных отношений, правовые и религиозные обязанности не различались. В Древней Индии, например, не было известно даже слово «право», а предписания правового характера содержались в священных книгах индусов. Религия поддерживала право своими санкциями. Она наделяла право как божественное установление ореолом святости, облекала в религиозные одежды. Авторитет религии в полной мере использовался властью, чтобы внушить уважение к праву.

Первоначально право тесно переплеталось также с простыми нормами нравственности и древними обычаями. Первые памятники права часто были записями норм обычного права.

Недифференцированность – неразвитость основных правовых понятий, институтов, структуры права, самой правовой нормы. Так, еще и уголовное право не отделялось от гражданского, а уголовный процесс – от гражданского процесса. При этом понятия правонарушения и преступления (общественно опасное деяние) зачастую не разграничивались. Широкое использование «объективного вменения» объясняется также и неразвитостью понятия вины как решающего основания ответственности. При определении наказания не различались подчас умысел и неосторожность.

Правовая норма еще не сложилась в чистом виде: широкое распространение имели обычаи с вкрапленными в них предписаниями правового характера. Правило поведения в такой норме, выступая в форме религиозного предписания или древнего обычая, обеспечивалось прежде всего религиозной санкцией или силой общественного мнения. Со временем из них вычлениются правовые нормы, которые все более активно стали поддерживаться возможностью и реальностью государственного принуждения.

Узкая сфера действия. На ранних ступенях развития общества многие отношения регулировались обычаями, религией, тогда как роль права в определении строя жизни была крайне сужена.

Экзотичность, своеобразие. На ранних ступенях развития в праве особенно ярко представлена этническая самобытность народов. Причудливость формы, свойственная фантазии раннего возраста, переносилась на право.

Наивное мировоззрение древних народов обусловило, в частности, развитой и детализированный **формализм** и **символизм** правовых действий. Правовой акт неизменно сопровождался множеством сложных ритуальных действий – жестах, произнесением клятв или сакраментальных слов, фраз, исполнением религиозных гимнов. Малейшее отступление от строго

установленной формы, например неточность в произнесении слов, приводило к тому, что необходимый правовой результат не достигался.

Казуальность. Право нередко возникало из записи конкретных судебных решений, и поэтому обобщающий характер правовой нормы еще не сложился, и она соотносилась лишь с конкретным случаем. Такие нормы были более понятными, но они не могли охватить всю сферу отношений, подлежавших правовому регулированию, и приводили к значительным пробелам в праве.

Консерватизм. Священность и неприкосновенность религиозных догматов и древних обычаев переносились на право. Связь права с религией и обычаями, застойный характер общественного и экономического развития обусловили крайне замедленный темп изменений в нем. Следует, однако, учитывать, что и отрывочность сведений о праве стран Древнего Востока не позволяет сколько-нибудь полно показать его развитие, изменения.

В отдельных областях права следует выделить **неразвитость права частной собственности, жестокость наказаний, ордалии и талион** в судебном процессе. Особо обращает на себя внимание **резко выраженное неравноправие отдельных групп населения**. Правовое положение человека определялось прежде всего его принадлежностью к тому или иному сословию, а право индивидуальной свободы не признавалось.

Рассматривая с высоты современности право стран Древнего Востока, нельзя видеть в нем только примитивизм и упрощенность. Правовое детство человечества надо мерить его же мерками. Право не может быть выше духовного и экономического уровня, а простота, упрощенность права для своего времени были наилучшими.

Складывавшееся право ничуть не торопилось скинуть с себя религиозную оболочку, священность, внешние формы древних обычаев. Первоначально только в таких одеждах оно и могло существовать, быть признанным, в таких одеждах оно получило широкое распространение и применялось в течение многих веков. Причудливость формы, почерпнутая из обычаев и вековых традиций, делала право понятнее. Образность языка Законов Ману способствовала их популяризации, тому, что они были хорошо известны широким слоям населения. Когда не была развита письменность, совершение сложных формальных действий наилучшим образом способствовало фиксации в памяти присутствующих мельчайших деталей сделки. Связь права с религией обеспечивала, например, надежность договора.

Глава 1. Древний Египет. Государственный строй восточной деспотии

Древний Египет – одно из наиболее ранних государств, в котором достаточно полно представлены черты такого крупного и яркого исторического явления, как **восточная деспотия**. Изучение государственного строя Древнего Египта показывает общественную значимость и ценность такой формы государственности, как восточная деспотия, зависимость формы правления и политического режима от условий среды обитания, духовного состояния народа.

Восточная деспотия характеризуется высочайшим уровнем централизации власти, вся полнота которой сосредоточивалась в одном лице (фараона, вана, халифа). Глава государства обладал как светской (законодательной, исполнительной, военной, судебной), так и религиозной властью. Личность главы государства обожествлялась, его воля и власть имели религиозный, сакральный характер и были непререкаемы. Повеления главы государства осуществлялись с помощью громоздкого, сложного, медлительного бюрократического аппарата. Человек ценился невысоко, даже будучи формально свободным, он был «рабом порядка», религии, традиций. Восточная деспотия – следствие раннего состояния общества и, в частности, господства общинных отношений. Восточная деспотия могла сосредоточить силы народа на решении важнейших задач – создании ирригационных систем, ведении военных действий. Но она же тормозила раскрепощение личности, подчас деформировала общественные цели (строительство пирамид фараонов в Египте, Великой китайской стены) и была одной из причин «застойного» характера развития стран Древнего Востока.

Излагаемая характеристика восточной деспотии есть, однако, лишь обобщенное изображение реального. В Древнем Китае, например, власть императора Цинь ши-Хуанди всецело опиралась на рационалистические основания. Восточная деспотия типична для многих государственных образований стран Востока. Но, например, в империи Маурьев (Древняя Индия) ряд черт деспотии отсутствовал. Да и в истории Египта имели место случаи острых конфликтов светской и духовной власти, свержения фараона жречеством. Фараон не мог не считаться с мнением и интересами своего окружения.

Государственность в Древнем Египте возникает на территории нижнего течения Нила, где на основе поливного земледелия развивается сельскохозяйственное производство – основная отрасль экономики страны. Образование государства в Египте стимулировалось необходимостью объединения усилий людей для строительства ирригационных сооружений, необходимостью согласования и координации труда и общежития больших масс населения, острой потребностью создания лучшей военной организации.

Государственность древнеегипетской цивилизации за многие века своего существования претерпела значительные изменения. Минувя фазу демократических институтов и пройдя период временного распада (при завоевании страны азиатским племенем гиксосов), она переросла из ранней монархии в позднюю, при этом на протяжении большей части своей истории сохраняла типичные черты восточной деспотии, когда в руках главы государства сосредоточивалась верховная религиозная (духовная) и светская власть с безусловным правом жизни и смерти в отношении своих подданных.

В истории Древнего Египта выделяют следующие этапы развития:

Раннее царство (XXXI–XXIX вв. до н. э.);

Древнее царство (XXVIII–XXIII вв. до н. э.);

Среднее царство (XXII–XVIII вв. до н. э.);

Новое царство (XVI–XI вв. до н. э.).

В Древнем Египте (**Раннее царство**) небольшие полугосударственные образования – номы представляли собой объединения сельских общин вокруг храмов. Во главе нома зачашую стоял жрец, который, обладая религиозной властью, становился и правителем. С первых шагов своего существования государственность в Египте играла важную роль в организации труда общинников по созданию и поддержанию в надлежащем состоянии ирригационных сооружений.

В период **Древнего царства** на основе объединения номов образуются два египетских государства – Верхний и Нижний Египет. Сначала они не имели сильной центральной власти и были далеки от подобия восточной деспотии. Укрепившись, они вступают в борьбу за преобладание в Египте. После многих войн страна объединяется под главенством Верхнего Египта. Со времени объединения, в период Древнего царства, египетская государственность и приобретает типичные черты восточной деспотии.

Во главе государства стоял верховный правитель – *фараон*. Он обладал всей полнотой власти, воплощал в себе мощь египетского государства и наделялся пышным титулом правителя Верхнего и Нижнего Египта, каждый шаг его сопровождался торжественным и сложным церемониалом. Фараон считался воплощением бога и сыном бога, видеть его, даже произносить его священное имя для простых смертных признавалось запретным. Вершиной культа фараонов было строительство пирамид – грандиозных сооружений, над которыми в течение многих лет трудились десятки тысяч людей. По сведениям Геродота, пирамиду Хуфу строили 100 тыс. человек в течение 20 лет. Религиозный характер власти фараона, опиравшегося также и на силу государства, делал его распоряжения безусловно обязательными. Фараон ведал делами культа, регулировал управление, назначал высших чиновников: за службу он жаловал им титулы, предоставлял земли. Считалось, что от него зависели урожаи в стране, справедливость, безопасность. Власть фараона была наследственной. Естественным признавалось наследование власти родственниками-мужчинами. Но допускалось и наследование женщинами. Передача престола требовала религиозного обоснования. Как правило, фараон еще при жизни короновал своего наследника.

В Египте создается *бюрократический аппарат*. Раннее состояние государственности проявлялось в нерасчлененности государственных служб. Почти все чиновники выполняли и хозяйственные, и военные, и судебные, а также религиозные обязанности. Дворцовые и государственные службы зачастую не отграничивались (такое раннее устройство государственного аппарата в период средневековья стало называться *дворцово-вотчинной системой управления*). Исторически сложившейся особенностью построения государственного аппарата было деление каждого ведомства на два подразделения, обслуживавших Верхний и Нижний Египет.

Реальное исполнение государственных дел возлагалось на *писцов*. Они выполняли административные поручения, руководили общественными работами, ведали делопроизводством, собирали налоги, раздавали продукты и т. д. За службу они получали зерно, земельные владения и даже рабов. Писцы составляли привилегированное сословие. Знатность и богатство человека в Древнем Египте прежде всего определялись тем, какое место он занимал в чиновничьей иерархии.

Повседневное руководство бюрократическим аппаратом осуществлялось *джати*. Сначала он был жрецом города (резиденции фараона), начальником царского дворца, а со временем в его руках сосредоточиваются нити управления царским хозяйством. Уже в Древнем царстве джати, который обычно был близким родственником фараона, фактически осуществлял

управление страной. Джати считался «казначеем богов» и «начальником всех работ и поручений», был верховным судьей, ему докладывали «о крепостях Юга и Севера». Он должен был знать «обо всем выходящем из царского дома... ему докладывали о себе наместники, затем он идет к царю на совет».

В государственном управлении устанавливались, меняли свои названия самые различные должности и титулы. Подчас одно лицо наделялось никак не связанными друг с другом обязанностями (например, носитель царских сандалий был вместе с тем и главнокомандующим армии). Однако со времени Древнего царства достаточно четко выделялись три направления государственной деятельности: *финансовое ведомство* по сбору налогов, *ведомство публичных работ*, осуществлявшее, в частности, строительство ирригационных сооружений, и *военное ведомство*.

Особо обращает на себя внимание широкая деятельность государства в области хозяйства. Государство признавалось верховным собственником земли. За службу земля передавалась знати, чиновникам, храмам. Государство осуществляло наблюдение за разливами Нила, проводило строительство дамб, каналов, водохранилищ. Осушая заболоченные земли, обводняя засушливые, государство активно участвовало в получении высоких урожаев. Уже в Древнем царстве строились пирамиды, крепостные стены, величественные храмы.

В материальном производстве выделялись крупные земельные владения храмов и вельмож, имелись также общинные хозяйства. Здесь производилось почти все необходимое для жизни (натуральное хозяйство), торговля была ограниченной. Хозяйства вельмож, храмов облагались налогами, а их работники и общинники платили в царскую казну подати. Рабов было сравнительно немного, они использовались на тех же работах, что и свободные общинники. В правовом положении резкой грани между рабами и общинниками, работниками царских, храмовых, вельможных хозяйств не было.

Управление в областях (номах) осуществляли представители родовой знати – *номархи*. В Древнем царстве они были подчинены власти фараона, однако не раз проявляли склонность к обособлению. В поздний период Древнего царства, когда усиливается местный сепаратизм, а многие представители номовой знати добиваются получения иммунитетных грамот, экономическое и политическое могущество центральной власти падает. Происходит раздробление прежде единого государства на множество враждующих между собой самостоятельных княжеств. Складываются отношения, в чем-то напоминающие феодальные. Для Египта наступает время смуты и упадка.

Ослабление центральной власти, политическая раздробленность Египта вели к разрушениям в ирригационных системах, упадку хозяйства, обнищанию населения, что и послужило толчком к новому объединению страны, созданию сильного государства – **Среднего царства**. Объединяющим началом, способствовавшим усилению центральной власти, становится культ Бога Солнца как главного божества, которому поклонялись египтяне.

В истории Среднего царства выделяется строительство новых ирригационных сооружений, в частности, в районе фаюмской котловины. Освоение новых земель, хозяйственный подъем сопровождался успешными военными походами, в ходе которых десятки тысяч пленных обращались в рабство.

В это время отмечаются рост частной собственности и активизация роли государства в распределении рабочей силы. Мелкие земледельцы («царские люди») переписывались и распределялись по профессиям (земледельцы, пастухи, ремесленники, торговцы, воины), а затем направлялись в хозяйства для постоянной работы. Распределение рабочей силы как выражение хозяйственной роли государства составляло типичную черту восточной деспотии. В целом, однако, характерные, типичные черты государственного строя восточной деспотии в период Среднего царства не претерпели существенных изменений.

История Среднего царства заканчивается народным восстанием и завоеванием страны *гиксосами*. Противоречия внутри общества ослабили государственную власть, а развитие частной собственности и товарных отношений с интенсификацией методов хозяйствования и эксплуатации непосредственных производителей способствовали росту недовольства. Результатом стало восстание и разрушение государственности.

Исторические источники («Лейденский папирус») донесли до нас яркое описание событий того времени. «Смотрите: было приступлено к лишению страны царской власти немногими людьми не знающими закона. Столица, она разрушена в один час». «Благородные – в горе, простолюдины же – в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить сильных среди нас». Зерно стало общим... Бедные выходят и входят в великие дворцы... дети вельмож выгнаны на улицу. Тот кто не мог сделать себе саркофага, он [теперь] стал владельцем гробницы. Владельцы гробниц выкинуты на вершины холмов». «Прекрасная судебная палата, расхищены ее акты, лишено хранилище ее тайн [своего] содержания. Вскрыты архивы. Похищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов... [чиновники] убиты».

Страна с разрушенной государственностью на длительное время подпадает под власть завоевателей.

С освобождением от власти гиксосов (около 1580 г. до н. э.) начинается наиболее блестящий период древнеегипетской истории – **период Нового царства**. Успешные завоевания превращают Египет в огромную империю. Разграбление завоеванных территорий, приток рабочей силы в виде обращенных в рабов пленников, интенсивное развитие торговли с другими странами, восстановление старых и строительство новых ирригационных сооружений способствовали расцвету экономики Египта. В стране строятся пышные храмы, украшаемые скульптурными и барельефными изображениями.

В период Нового царства основные черты государственного строя восточной деспотии не претерпели принципиальных изменений, но с увеличением государственных дел происходит усложнение государственной организации. По-прежнему верховная духовная и светская власть принадлежала фараону. Фактическое управление государственным аппаратом доверялось второму лицу в государстве – везиру. Центральный государственный аппарат состоял из нескольких палат, возглавлявшихся начальником казны, главным домоправителем, заведующим пашни, начальником над скотом. Везир назначал также чиновников, возглавлявших управление четырьмя большими административными районами Египта.

Стремление фараонов упорядочить бюрократический аппарат (устанавливаются иерархия чиновников, форма одежды, знаки отличия, порядок прохождения службы и присвоения званий, титулов) в главном не достигало желаемого. Бюрократический аппарат представлял собою громоздкий, дорогостоящий механизм, а его деятельность характеризовалась обилием переписки, медлительностью. Беспрекословное повиновение низших высшим обеспечивало централизацию власти, однако сковывало инициативу, активность непосредственных исполнителей, способствовало развитию таких отрицательных явлений, как формальное отношение к делу, коррупция. В сохранившихся надписях можно, например, прочесть: «Он грабит как крокодил, подобно суду».

Право Древнего Египта в данном разделе не рассматривается. В своих общих чертах оно во многом напоминает состояние, описанное в Законнике Хаммурапи.

Несмотря на то, что в истории Древнего Египта выделяются Древнее, Среднее и Новое царства, доказательно говорить о качественно отличных этапах развития его государственности весьма затруднительно. Вполне допустимо, однако, выделять отдельные изменения, в которых проявлялось движение государства и права к более высокому состоянию. В Среднем царстве, например, заметное развитие получают частная собственность, частные хозяйства, рост имущественных различий населения. В Новом царстве, в период расцвета, возрастает и

усложняется регулирующая роль государства. Пожалуй, лишь в строительстве вооруженных сил более четко просматриваются качественные преобразования.

Так, в Древнем царстве преобладала ополченская система построения армии. Она создавалась на время военных походов, по окончании которых ополченцы возвращались к своим хозяйствам. Имелись отдельные отряды наемников из чужеземцев, дворцовая, городская стража, но постоянной армии не было.

В Среднем царстве создается регулярная армия, формируемая по набору, из специально обученных отрядов воинов.

К этому времени относится и формирование корпуса кадрового офицерства.

В Новом царстве заметно возрастает роль армии, становящейся главной опорой власти фараонов. Регулярная армия увеличивается количественно, а вместе с тем, когда собственный «человеческий материал» в силу падения морального качества и атрофии чувства патриотизма становился малопригодным для службы в армии, возрастает значение отрядов наемников из туземцев-ливийцев. Наблюдается военизация (милитаризация) государства. Военные все более часто наделяются и функциями гражданских чиновников, например чиновников, отвечающих за сооружение каналов. Характерным для Нового царства становится высокая специализация воинских подразделений. Были известны пограничная охрана, гарнизонные войска, столичная полиция, речная полиция, полицейские отряды, осуществлявшие охрану каналов, зернохранилищ, храмов и т. д. С ростом сословных различий населения армия превращается в особое сословное образование. Воины обязаны были жить сообща, постоянно упражняться в воинском мастерстве, не имели права заниматься другими делами. В поздний период Нового царства внутренние смуты, восстания, а также стремление номов к обособлению и самостоятельности сильно ослабили центральную власть. В результате Египет подвергается завоеванию и теряет самостоятельность.

Глава 2. Древний Вавилон. Законник Хаммурапи – черты раннего состояния права

Как уже отмечалось, в странах Древнего Востока право характеризовалось неразвитостью своей системы, отсутствием четких разграничений между отраслями и институтами права. Поэтому говорить о гражданском праве (регулирующем, главным образом, имущественные, обязательственные отношения) и уголовном праве (определяющем, какие правонарушения имеют характер преступления и какие за них устанавливаются наказания) можно только условно. Это же следует сказать и об институтах права – группах правовых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений (например, отношений собственности).

О *гражданском, уголовном, процессуальном праве стран Древнего Востока*, основных институтах этих отраслей права можно достаточно полно судить по древневавилонскому памятнику права – Законнику Хаммурапи.

Законник Хаммурапи относится к тому периоду истории Древнего Востока, когда народы, жившие в районе междуречья Тигра и Евфрата, в XVIII в. до н. э. были объединены под главенством Вавилона и возникло довольно обширное и могущественное для того времени древневавилонское государство. Возвышению Древнего Вавилона во многом способствовала весьма энергичная политика одного из древневавилонских деспотов – Хаммурапи, во время правления которого был издан свод законов, известный как Законник Хаммурапи.

Законник представлял собой черный базальтовый столб, на котором клинописью выбит текст 282 статей. В верхней части столба изображены бог Шамаш и коленопреклоненный Хаммурапи. Это изображение и введение к Законнику преследовали вполне определенную цель – подчеркнуть священный характер законов, их божественное происхождение, безусловную обязательность.

Законник не имеет четкой структуры. Условно его можно разбить на следующие части. Первые пять статей посвящены суду и преступлениям, связанным с отправлением правосудия. Во втором разделе (около 120 статей) регулируются вопросы приобретения и защиты собственности. Третий раздел (около 70 статей) посвящен браку, семье, наследованию. В четвертом говорится о наказаниях за преступления против личности (около 20 статей). Наконец, в пятом разделе (около 70 статей) содержатся нормы, регулирующие трудовые процессы.

В Законнике нет четкого разграничения норм уголовного, гражданского, процессуального права, а сами эти отрасли права еще не сложились. Законник не был и исчерпывающим сводом законов. В нем, например, не говорилось о наиболее тяжких преступлениях – против государства и религии. Видимо, законодатель считал само собой разумеющимся, что эти преступления должны наказываться только смертной казнью. Статьи Законника носили казуальный характер – они регулировали узко конкретные правоотношения и устанавливали наказания за них. Характерную черту Законника составляет широкое применение талиона («равное за равное»). Талион, возникший в первобытнообщинном строе, претерпевает в Законнике существенное изменение – он применялся только между людьми равного общественного положения. Наказание устанавливалось в зависимости не только от вида преступления, но и от общественного положения виновного и потерпевшего. Большими штрафами и смертной казнью каралось воровство – так защищалась собственность (в том числе и на рабов).

Право собственности означает право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом. Объектами права собственности были земля, движимое имущество и рабы. Законник Хаммурапи исходил из наличия верховной собственности государства на землю. Значительные массивы земель были в непосредственном пользовании и распоряжении государства. Существовало также коллективное землепользование – земли храмов, общин. Частная собственность на землю еще не получила полного развития.

Длительное сохранение в странах Древнего Востока верховной собственности государства на землю (право определять назначение земель, общие условия пользования ими, а также право требовать выполнения повинностей лицами, обрабатывавшими землю) было тесно связано с необходимостью строительства ирригационных сооружений общегосударственного значения. По мере развития крупных частных землевладений и земельной собственности храмов право верховной собственности государства на землю ограничивалось, а в отдельные периоды даже приобретало номинальное значение.

В Вавилоне в период издания Законника Хаммурапи часть государственных земель с постройками на них и необходимым инвентарем передавалась чиновникам и воинам за службу – так называемое *имущество илку*. Законник устанавливал особое правовое положение этого имущества. Право распоряжения этим имуществом ограничено, имущество илку изъято из оборота: его нельзя было продавать, закладывать, завещать. Нельзя было его употребить и на выкуп воина из плена. Если воин погибал или попадал в плен, имущество илку переходило к его взрослому сыну при условии выполнения им тех же обязанностей. При малолетстве сына треть участка передавалась жене воина для воспитания ребенка. Обладатель имущества илку должен был лично выполнять свои обязанности. Воин, пославший в поход вместо себя другого человека, карался смертной казнью, а этот человек получал его имущество.

Защита собственности, особенно собственности дворца (государственной собственности), а также собственности храмов осуществлялась самыми решительными и жестокими мерами уголовного наказания, а также гражданско-правовыми средствами (см. далее).

Другим важным институтом гражданского права было *обязательственное право*, регулировавшее договорные отношения и обязательства из причинения вреда. Обязательственное право получает разработку по мере развития в странах Древнего Востока товарно-денежных отношений. Законнику Хаммурапи известны договоры купли-продажи, хранения займа, личного и имущественного найма и др. Предметом договора купли-продажи могла быть и земельная собственность. Заключение сделки сопровождалось формальными действиями (правовой формализм): ком земли (кирбану) бросали в воду канала или реки. Кирбану символизировал участок земли. Кирбану в руках собственника – собственность на поле еще за ним. Бросить кирбану в воду значило разрушить собственность, после этого старой собственности уже не было, она уничтожалась, исчезала. Теперь новый собственник после уплаты обусловленной цены мог вступить во владение земельным участком. Договор займа в Вавилоне предусматривал уплату чрезвычайно высоких процентов (до 33,5), что способствовало порабощению бедноты, а в некоторых случаях влекло обращение несостоятельного должника и членов его семьи в рабство (до трех лет).

Обязательства из причинения вреда выражались в необходимости возместить ущерб. Так, если крестьянин не укрепил плотину и вода уничтожила урожай соседа, виновный должен был уплатить стоимость погибшего урожая. При ранении или убийстве чужого раба, как и при повреждении или уничтожении чужого имущества, виновный возмещал хозяину раба понесенные убытки.

Уголовное право защищало государственный и общественный порядок, устанавливало повышенную ответственность за посягательства на личность и собственность представителей господствующих классов. Но общие понятия уголовного права еще не получили развития. Так, не сложилось еще понятие преступления как правонарушения, представлявшего особую общественную опасность. Незрелость права проявлялась и в том, что в Законнике не говорилось о наиболее тяжких преступлениях – государственных. В нем за нормами, характеризующими преступления, связанные с отправлением правосудия, следовали нормы, обеспечивавшие защиту собственности, затем – нормы о защите личности и здоровья, наконец, в последнем разделе говорилось о преступлениях, совершенных ветеринаром, строителем, о краже сельскохозяйственного имущества.

Центральное место в Законнике Хаммурапи занимали преступления против личности (убийство, телесные повреждения и др.) и имущества (кража, грабеж и т. д.) рабовладельцев. Кража по законам Хаммурапи влечет уплату штрафа, в 10–30 раз превышающего стоимость украденного, или даже смертную казнь (за кражу имущества царского дворца или храма). Кража и укрывательство рабов карались смертью виновного. Вора, сделавшего пролом в стене, «перед тем проломом должно убить и зарыть» – проявление сохранившегося от прошлого самосуда.

Система наказаний также была относительно неразвитой, что проявлялось в сохранении пережитков первобытнообщинного строя. В Законнике не упоминалась кровная месть, но предусматривалась коллективная ответственность общины за преступления, совершенные на ее земле; в некоторых случаях сын отвечал за преступление отца («объективное вменение»).

Законнику Хаммурапи хорошо известен *принцип талиона*, предусматривавший применение судом к виновному наказания, равного преступлению, как раннее, упрощенное понимание справедливости, целей наказания и средства защиты телесной неприкосновенности личности. «Если человек повредит глаз кого-либо из людей, – можно прочесть в Законнике Хаммурапи, – то должно повредить его глаз». «Если кто-то сломает кость человека, то должно сломать его кость».

Наиболее часто талион применялся при различного рода телесных повреждениях, но он распространялся и на случаи убийства. Действие талиона, однако, было не беспредельно. «Если человек выбьет зуб человека, равного себе, то должно выбить его зуб (§ 200), но если он выбьет зуб лицу более низкого положения (мушкену), то должно уплатить 1/3 мины серебра» (§ 201). «Если человек ударил по щеке большего по положению, чем он сам, то должно в собрании ударить его 60 раз плетью из воловьей кожи» (§ 202). «Если человек повредит глаз раба или сломает раба, то он должен отвесить половину его покупной цены» (§ 199). В приводимых статьях проявляется еще одна характерная черта раннего права – казуальность норм, неразвитость их обобщающего значения. «Если строитель построит человеку дом и сделает свою работу непрочной, так что построенный дом обвалится и причинит смерть хозяину дома, то этого строителя должно убить; если он причинит смерть сыну хозяина, то должно убить сына строителя» (§ 229, 230). В ряде случаев талион имел ярко выраженное символическое значение – символический талион. Законник, например, предписывал отрезать пальцы врачу, сделавшему неудачную операцию.

Основными видами наказания были смертная казнь, членовредительные и телесные наказания, штраф, отстранение от должности.

Законник предусматривал 30 видов смертной казни: сожжение, утопление, посажение на кол и др.

Штрафом карались и некоторые кражи, но «если вору нечем отдать – его должно убить».

Судебный процесс был упрощенным и в основном носил состязательный характер: возбуждение процесса в суде считалось частным делом и начиналось, как правило, по требованию потерпевшей стороны: активность суда в собирании доказательств была ограничена, это делали сами стороны; даже исполнение решения суда в большинстве случаев ставилось в зависимость от усмотрения выигравшей стороны.

Строго определенный порядок разрешения дел в суде еще не выработался. Однако ряд правил, прежде всего в оценке доказательств, уже существовал. Доказательствами в Вавилоне наиболее часто служили свидетельские показания. Клятва требовалась при наличии сомнения в истине и при отсутствии других доказательств. Весьма распространенным средством установления вины были *ордалии* – «суд божий». «Если кто не докажет обвинения в чародействе, – говорилось в Законнике Хаммурапи, – то тот, на кого было брошено подозрение в чародействе, пойдет к Реке и опустится в нее. Если Река овладеет им, то тот, кто его обвинил, получит его дом, а если Река объявила этого человека невиновным и он остался невредим, тот, кто бросил

на него обвинение в чародействе, предается смерти, а опустившийся в Реку получает дом своего обвинителя» (§ 2).

Изложенное позволяет сделать вывод, что Законник Хаммурапи, несмотря на сохранение в нем ряда пережитков первобытнообщинного строя (например, коллективные формы ответственности) и примитивность правовой техники, закреплял и охранял основы существующего строя и общественное неравенство.

Ограниченность правового материала о столь отдаленной от нас исторической эпохе, а также застойный характер развития стран Древнего Востока делают весьма затруднительным показ процесса изменения и совершенствования права. Эти вопросы наилучшим образом могут быть рассмотрены на примере истории права античного Рима.

Глава 3. Древний Китай. Конфуцианство и легизм – традиционное и рациональное в государственном строе

История государства и права Древнего Китая представляет особый интерес резким противостоянием двух идеологических направлений в государственности – конфуцианства и легизма. В столкновении конфуцианства и легизма вырисовывается кардинальной важности проблема государственности – *конкуренция устоявшегося, традиционного и рассудочного (осознанно направляемого) в строительстве государства и права.*

В истории Древнего Китая в основном по имени царствующих династий выделяются: государство **Шан (Инь)** (XVIII–XII вв. до н. э.) – раннее государственное образование; государство **Чжоу** (XI–V вв. до н. э.) – первоначально централизованная монархия, в последний период которого единое государство рушится; наконец, историю Древнего Китая венчают Великие китайские империи – **Цинь** (III–II вв. до н. э.) и **Хань** (II в. до н. э. – III в. н. э.).

Образование государства в долине реки Хуанхэ относится ко II тыс. до н. э. На смену раннему государственному образованию Шан (Инь) приходит возникшее в результате завоевания (племенем Чжоу) государство Чжоу. Тогда, в ранний период истории Китая, существовали формы коллективного землевладения по системе цзинь тянь, согласно которой каждые 8 участков передавались в пользование отдельным семьям, а 9-й (общественное поле) обрабатывался сообща, и урожай с него поступал в распоряжение государства. В социальной структуре общества выделялась наследственная аристократия, занимавшая привилегированное положение. Труд рабов имел ограниченное применение, по большей части рабы принадлежали государству. В то время право еще не отделилось от обычаев, простых норм нравственности.

В построении государства четко обнаруживаются черты восточной деспотии. Правитель (ван) почитался «сыном Неба» и признавался верховным собственником Поднебесной. Однако обыкновение верховной власти передавать управление завоеванными землями в наследственное владение титулованной знати приводит к раздробленности прежде единого государства. В Китае наступает период «многих царств», затем «борющихся царств». Тогда прежде верные вассалы вана становятся удельными князьями, обладающими фактически полной независимостью, власть же вана ограничивается пределами его владения – домена. (Такое положение очень напоминало период феодальной раздробленности в средневековой Европе.)

V–III вв. до н. э. в истории Китая можно считать переломным временем. Тогда в стране происходило разложение общинных отношений.

Все более частыми становились сделки с землей, общинное землевладение разлагалось. Происходило ускоренное развитие товарно-денежных отношений. Многие города превращались в ремесленные центры. Наблюдалось резкое имущественное расслоение населения. Упрочивается частная собственность на землю и рабов. Значительную экономическую силу приобретают купцы и ростовщики. Одновременно растет их политическое влияние. Рождается порядок продажи должностей. Наследственная аристократия оттесняется «выскачками из низов».

Утверждение новых экономических и политических сил происходило на фоне разрушения патриархальных порядков при всеобщем ожесточении и междоусобных войнах. Моральные принципы отбрасывались, на смену им пришли предательство, продажность, коварство, убийства, подкупы, шантаж. В этих условиях как реакция на неустроенность и смуту в обществе рождается учение Конфуция (551–479 гг. до н. э.). Отражая некоторые глубинные свойства характера китайского народа и подменяя собой религиозные верования, оно стало формировать идеи, убеждения, внешнюю манеру поведения людей («образ мышления и стиль жизни»), а значительно позже (в империи Хань) превратилось в главный регулятор жизненных отношений и основной принцип идеологии государственности.

Идеализируя отношения патриархального быта и создавая образ идеального человека, Конфуций возвеличивал обычаи старины, отношения солидарности сородичей, проповедовал уважительное отношение к старшим, повиновение которым считал безусловным. Государство он уподоблял большой семье, отношения правителя и народа должны строиться, как между отцом и детьми. Высшей целью управления Конфуций считал интересы народа, в государственном управлении следовало исходить из этических принципов, управление должно быть гуманным. Гуманными должны быть не только цели и идеалы, но и средства. Иначе народ проклянет эти цели и идеалы. («Древние государи сдерживали народ справедливостью, связывали его управлением, поступали с ним правильно, поддерживали человечность... Кроме того, они поучали народ быть преданным, учили выполнять свой долг. Государи руководили людьми мягко, подходили к ним с уважением, судили с твердостью»). Такое правление, согласно конфуцианскому учению, позволит добиться морального подъема и единства народа, при котором не будет страшно никакое нападение.

Учение Конфуция о совершенствовании этических взаимоотношений между людьми, между народом и правителем выражало желаемое, было более пригодно для относительно мирного времени, эволюционного развития, рассчитано на длительный период, но оно не отвечало требованиям решения экстремальной ситуации периода «борющихся царств». Конфуцианское учение отчасти совпадало с принципом «недеяния» Лао-цзы, согласно которому вмешательство в «естественный» ход вещей может лишь ухудшить жизнь народа. В той исторической обстановке конфуцианское учение не стало орудием активного решения острых проблем китайского народа и потому потерпело поражение.

На фоне продолжавшегося разложения общинных и патриархальных порядков, при обострении отношений родоплеменной знати с новыми собственниками и резком расслоении населения, в условиях непрекращающихся междоусобных войн кризис старого и нового укладов жизни породил в обществе требование неопосредованного объединения страны и наведения порядка, что и стало непосредственной причиной возникновения философского учения – легизма.⁷

Легизм и конфуцианство выражали противоположное понимание природы человека, отношений народа и правителя, целей и задач государства. По Конфуцию, народ – нравственная личность; напротив, легисты считали, что человек озабочен лишь тем, чтобы доставить себе удовольствие и избежать страданий. Легизм, порывая с традициями и обычаями старины, представлял собой сугубо рационалистическое и вульгарно-рационалистическое учение, требовавшее активного преобразования общественных отношений. Ослабление народа считалось главной задачей правителя. Сила государства в слабости народа. Если в конфуцианском учении правитель уподоблялся отцу в семье, то согласно легизму народ – это сырой материал, а правитель – мастер, который, измеряя и обрабатывая свой материал, отсекает все лишнее (!), создает прекрасную вещь. Правитель должен быть свободен от совести, моральных норм и руководствоваться только целесообразностью. Решающее значение в государственном управлении отводилось закону, исполнительности чиновников и наказанию. Суровое наказание считалось лучшим средством управления. («Подражание древним состоит в управлении при помощи добродетели, подражание современным – во введении законов, в которых наказание на первом месте». «Если наказания преобладают, народ спокоен, но если избыточны награды, то рождается мерзость»).

В легизме нашла отражение особая государственная идея – рационалистическое утверждение сильной государственной власти со всемогуществом закона и равенством всех перед законом; утверждалось, что государственная власть должна быть требовательной к людям и направ-

⁷ Легисты (законники) – сторонники самого широкого регулирования общественных отношений абсолютной властью правителя с помощью сильного бюрократического аппарата, строгих законов и наказаний.

лять их поступки регулирующей ролью закона и наказания. («Люди по всей сути стремятся к порядку, однако действия их порождают беспорядок; потому там, где сурово карают за мелкие проступки, они исчезают, а тяжким просто неоткуда взяться»). В Китае при господстве легистского учения, как и в других обществах на ранних ступенях развития, роль наказания в управлении преувеличивалась, а в легизме наказанию придавалось еще большее значение ввиду острой необходимости преодоления смуты периода «борющихся царств». Но легизм не учитывал глубинные свойства характера китайского народа, его «образ мышления и стиль жизни», сложившиеся в течение длительного предшествующего времени, и потому оказался недолговечным.

Легистское учение было реализовано на практике в реформах Шан Яна и в государственном строе в период правления императора Цинь ши-Хуанди (начало правления около 258 г. до н. э.).

При утверждении и господстве легизма радикальным преобразованием подверглась и вся система государственного управления.

При Цинь ши-Хуанди конфуцианство было запрещено, древние книги сожжены, сепаратизм мест подавлен и Китай предстает перед нами единым централизованным государством. Правление Цинь ши-Хуанди составило целую эпоху в истории Китая. При нем создается мощный, сложный, строго централизованный государственный аппарат с большим числом чиновников, связанных беспрекословным подчинением и автоматическим послушанием. Основы построения государственного аппарата Циньской империи сохранялись многие века в последующей истории Древнего и Средневекового Китая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.